

А.В. Тагильцев

«ЗАЧЕМ ВСПЛЫВАЕШЬ ТЫ СО ДНА ПОГИБШИХ ЛЕТ...»

(Стихотворение Анны Ахматовой «Тень»

в контексте лирического цикла «В сороковом году»)

При знакомстве в старших классах со своеобразием поэтической манеры «поздней» Ахматовой (периода 1930-х — 1960-х гг.) особо следует учесть момент, связанный с историзмом лирического мышления поэта. Лирика А. Ахматовой оказывается насыщенной знаками, образами, мотивами, связанными как с мировой историей и культурой в целом, так и с историческими событиями, современницей которых ей довелось быть.¹ К сожалению, несколько схематизированная трактовка этой тенденции ведет к появлению определений, например, стихов, посвященных Второй мировой войне, как «политико-публицистических»². Между тем, для Ахматовой эпическое событие — всегда — только объект для рефлексии лирического субъекта, душевное переживание всегда определяет логику развития лирического сюжета.

Особенности поэтической стратегии А. Ахматовой, связанные с проблемой взаимоотношений личности и истории, эпохи, времени, можно рассмотреть на материале ее стихов военных лет, в частности, стихотворения «Тень». Стихотворение написано в августе 1940 г. и включено в цикл «В сороковом году», являющийся поэтическим откликом на события первого года войны.

Интригует уже то, что стихотворение «Тень» в отличие от предыдущих «Когда погребают эпоху...» и «Лондонцам» формально никак не соотносится с темой исторической трагедии сорокового года. Какова же художественная логика его включения в цикл?

Движение лирического сюжета стихотворения связано с развитием переживания, вызванного воспоминаниями героини о далёком прошлом, о «тринадцатом годе», а вернее, эпохе десятых годов. Кроме точно указанной даты («Тебя — красавицу тринадцатого года»), в самом стихотворении мы встречаем приметы, которые позволяют соотнести его с этой эпохой.

Стихотворение начинается эпиграфом, взятым из черного варианта стихотворения Мандельштама «Соломинка» (1916), посвященного

кн. Саломее Николаевне Андрониковой³. Эпиграф поддерживается и строкой в самом тексте: «Соломинкой назвал тебя поэт». Важно вспомнить и первый вариант названия стихотворения — «Современница». «Соломинка» становится символом эпохи, с которой она, волею судьбы, как, впрочем, и сам поэт, и остальные современники, оказались тесно связаны. Поэтому о ней и говорится как о «красавице тринадцатого года», а не двенадцатого или не шестнадцатого (хотя стихи Мандельштама датированы как раз 1916). Ведь тринадцатый год стал синонимом пика, наивысшей точки мирного расцвета России, прерванного в четырнадцатом году войной и в семнадцатом — революцией⁴. (Сама Ахматова именно так, как рубеж, воспринимала именно 1914 год и начало Первой мировой войны. Так, в первом стихотворении из цикла «Июль 1914 года» звучит пророчество:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глады, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Это — ожидание всеобщего Апокалипсиса, который, действительно, вскоре наступил).

Стихотворение «Тень» — не просто воспоминания лирического субъекта о давно прошедшем, об исчезнувшем времени, эпохе, но воспоминание, которое материализуется в образе тени и не зависит от воли героини, обладает самостоятельным существованием. Остаётся лишь вопрошать:

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет?

Благодаря ряду ювелирно отобранных деталей образ воспоминания, тени превращается в образ самой эпохи. Первая деталь — колышущийся «прозрачный профиль твой за стёклами карет». Другая — «соломинкой назвал тебя поэт». Характерны эпитеты, передающие ощущение — «нарядней всех», «прозрачный профиль», «нежный свет» глаз. Красавица, как и эпоха, предстает прекрасной, хрупкой и воздушной, а кроме того, милой, смешной и наивной — «как спорили тогда — ты ангел или птица!» Но — и пустой, холодной, равнодушной. Свет глаз стру-

¹ Как справедливо заметила Л.Г. Кихней, «в итоге свою эпоху А. Ахматова осмысляет в контексте мировой истории и культуры, выявляя связь единичной судьбы со всеобщей, каждого отдельного факта с картиной «мира-целого» (Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. С. 84).

² См.: Павловский А.И. Анна Ахматова. Жизнь и творчество. М., 1991. С. 130.

Тагильцев Александр Васильевич — старший преподаватель кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

³ По воспоминаниям И. Берлина, «Саломея Николаевна Андроникова была дочерью грузинского князя древнего рода — красивой, чрезвычайно умной, остроумной и очаровательной женщиной высокой культуры, с исключительным обаянием и эстетическим вкусом, особенно в области литературы. Приехав в Петербург, она в последние годы перед Первой мировой войной стала сердцем и душой группы друзей — музыкантов, писателей, художников...» (Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. С. 231).

⁴ Еще и поэтому выбирается образ «соломинки» в качестве символа эпохи — так хрупко и непрочно все оказалось.

ился «равно на всех», а день красавицы — «безоблачный и равнодушный». Очарование в значительной степени теряется.

Но для чего же в цикле о сороковом годе воссоздается образ другой, пусть даже такой принципиально важной для лирической героини эпохи?

Первый ключ, который поможет раскрыть глубинные смыслы и обозначить связи — эпитафия из Мандельштама и само его стихотворение «Соломинка». Это — стихотворение об одиночестве женщины и одиночестве в первую очередь перед неумолимо бегущим временем, вечностью, смертью:

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над чёрною Невой,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лёд бледно-голубой.

И эпитафия из чернового варианта, «Что знает женщина одна о смертном часе», взят Ахматовой именно потому, что он в сжатом виде выражает ту же мысль. Таким образом, уже изначально в стихотворении о милой, хрупкой и воздушной эпохе оказывается заданной тема смерти, тема неумолимого времени и неизбежного конца, рока. Кроме того, Ахматова выдерживает тот же размер, который был у Мандельштама. «Тень», как и «Соломинка», написана классическим шестистопным ямбом, который придаёт воспоминаниям героини не просто эпически-размеренное, но отчасти торжественно-величавое звучание. И мимолётное, случайное, навязанное бессонницей воспоминание становится важным, значительным и совсем не случайным.

Другим ключом является контекст самого цикла «В сороковом году». В тексте стихотворения развиваются мотивы, которые уже появились в предыдущих стихах цикла. Уже во второй строке:

Зачем всплываешь ты со дна погибших лет? —

обращает на себя внимание эпитет «погибших». В первый раз он встретился в финале первого стихотворения, где говорилось о «погибшем Париже», символе гибели целой культурной эпохи. Теперь возникает ещё одна погибшая эпоха, а рядом с ней другой знакомый образ, связанный с тенью, с воспоминанием о женщине: «Зачем всплываешь ты...». Так уже «выплывала как труп на весенней реке» эпоха-Офелия в стихотворении «Когда погребают эпоху...». И здесь снова возникает метафора «смерть эпохи» — «смерть женщины», но у неё новый оттенок.

Антропоморфизируя образ эпохи, Ахматова особым образом очеловечивает трагедию времени, придавая ей вневременное звучание. Лирическая героиня оказывается не просто перед лицом исторической трагедии, она сталкивается один на один с вечной трагедией человека, с одиночеством перед лицом неотвратимого рока, судьбы. Это ощущение было подготовлено двумя первыми стихотворениями. Скорбящая и стойкая, героиня смертельно измучена, она не

желает воспоминаний об ещё одной погибшей эпохе, откуда она родом, но воспоминание возникает даже вопреки её воле. Причём эти воспоминания всегда где-то рядом и достаточно лишь небольшого толчка для их появления:

Флобер, бессонница и поздняя сирень⁵
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили...

И как только появились первые образы, героиня уже больше не сдерживает себя, а, наоборот, разворачивает воспоминание и только в конце, усилием воли, прекращает его, убеждая себя:

...А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу.

Но причина такого поведения героини вполне понятна и объяснима. Воспоминание не только отдушина, отдых, возможность уйти, забыть. Оно заново заставляет пережить ту, старую трагедию и гибель, берedit старые раны:

И память хищная передо мной колышет...

«Память хищная» поначалу кажется очень необычным и нехарактерным образом для этого проникнутого духом нежной, безоблачной и равнодушной эпохи стихотворения. Но, следуя логике лирического субъекта, это — великолепное и точное определение памяти: «хищная», поглощающая людей и годы и возвращающая только их тени.

В связи с этим особую семантику приобретает сам образ «тени». Это не просто тень конкретной женщины, воспоминание о ней и даже не просто тень эпохи. Эта тень подобно тени отца Гамлета приходит напомнить о свершившемся преступлении, об убийстве эпохи (и опять, как и в предыдущих стихотворениях цикла «В сороковом году», актуализируются шекспировские мотивы).

Таким образом, лирическая героиня Ахматовой ощущает трагедию России начала века как предвестие катастрофы года сорокового. В стихотворении «Тень» мы видим новый поворот лирического сюжета всего цикла «В сороковом году». С одной стороны, лирическая героиня находит конкретное подтверждение своей мысли о постоянном и неотвратимом движении времени. В сороковом году эпоху погребают не в первый раз, и подтверждение тому — «десять годы», от которых остались только мучительные воспоминания. Но ещё важнее другая тема, разворачивающаяся на этом этапе развития сюжета — не только вечная трагедия времени, но и вечная трагедия человека, который в одиночку обречён противостоять неумолимому року, судьбе. Недаром именно в «Тени» в первый раз в цикле «В сороковом году» прямо звучит «я» лирического субъекта (до этого авторское сознание реализовалось через обобщённое «мы»), и теперь оно уже не исчезнет до конца цикла.

⁵ Ещё одна явная реминисценция из Мандельштама: «Гомер, бессонница, тугие паруса...»